

*Анастасия Александровна Лаврикова,
Ольга Евгеньевна Шумилова*

Политическая компетентность российских граждан в контексте модернизационных процессов

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

политическая компетентность, политическое участие, гражданское участие, модернизация

Изучение специфики внутренних и внешних составляющих политической компетентности граждан предполагает анализ особенностей ценностного сознания граждан ЦФО, системы детерминант вовлеченности граждан в политический процесс, выявление доминирующего типа политического участия граждан ЦФО; определение соотношения когнитивного, аффективного, волевого компонентов инструментальности как базовой характеристики вовлеченности в политический процесс; оценку результативности реализации политической компетентности граждан ЦФО.

Особенности ценностного сознания определяют фреймы как отдельных индивидов так и социальных групп, членами которых они являются, что является основой формирования когнитивных практик и задает возможные стратегии поведения как в политической так и неполитической сферах, и соответственно потребность в том или ином уровне компетентности. Структура ценностной системы региональных сообществ ЦФО изучалась посредством построения иерархии. Распределение ценностей по уровням представлено в таблице 1.

Уровень гетерогенности ценностного сознания массовых групп достаточно высок, так как лишь две ценности одобряются представителями местного сообщества. Следует отметить, что интенсивность мнений за последние годы заметно возрастает (от 60 % до 90 %). По сравнению с 2011–2012 гг. значительно увеличился интегрирующий резерв за счет перехода из

Таблица 1. Динамика структуры ценностного сознания регионального сообщества ЦФО
Что из представленного перечня является для Вас ценным в жизни (выбор не ограничен), в %

	2011 г.*	2012 г.*	2013 г.	
Структурные пласты				
	Успех (64,3)	Здоровье (67)	Семья (87,8)	
	Семья (63,1)	Семья (64,8)	Здоровье (79,8)	
Интегрирующее ядро (свыше 57%)	Труд (57,3)			
	Сила (56,7)	Труд (56,8)	Мир (55,1)	
	Здоровье (54,1)	Свобода (56,8)	Справедливость (52,7)	
	Свобода (53,5)	Мир (55,7)	Достаток (52,7)	
	Достоинство (51,6)	Достоинство (48,9)	Стабильность (52,5)	
	Мир (45,2)	Закон (48,9)	Безопасность (52,0)	
			Права человека (51,7)	
			Свобода (51,6)	
			Порядок (49,5)	
			Достоинство (45,2)	
	Оппонирующий дифференциал (30,0%-44,9%)	Стабильность (43,3)	Права человека (40,9)	Труд (44,4)
		Безопасность (40,8)	Успех (40,9)	Защита (40,8)
		Закон (40,1)	Стабильность (38,6)	Закон (40,3)
Защита (38,9)		Справедливость (37,5)	Совесть (38,2)	
Достаток (38,9)		Собственность (37,5)	Успех (35,5)	
Права человека (34,4)		Духовность (38,6)	Собственность (34,9)	
Религия (31,8)		Достаток (35,2)		

Структурные пласты	2011 г.*	2012 г.*	2013 г.	
Конфликтотенная периферия (менее 30,0%)		Порядок (35,2)		
		Безопасность (34,1)		
		Защита (34,1)		
		Совесть (31,8)		
		Патриотизм (31,8)		
		Сила (30,7)		
		Собственность (29,9)		
		Религия (27,3)	Духовность (27,6)	
		Совесть (26,8)	Твердость (22,7)	Религия (26,7)
		Справедливость (26,1)	Терпимость (20,5)	Демократия (25,6)
		Терпимость (23,6)	Солидарность (18,2)	Патриотизм (24,3)
		Твердость (23,6)	Держава (17,0)	Солидарность (22,3)
		Демократия (22,9)		Сила (18,9)
		Солидарность (22,3)		Терпимость (15,8)
		Порядок (21,0)		Твердость (15,3)
	Патриотизм (21,0)		Держава (12,2)	
	Духовность (14,6)			
	Держава (12,1)			

* При составлении таблицы использовались материалы исследования проведенного в рамках реализации Государственного контракта № 16.740.11.01.08 «Достижение базового ценностного консенсуса как фактор стабилизации политической системы современной России» в рамках мероприятия 1.2.1 «Проведение научных исследований научными группами под руководством докторов наук» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

оппонирующего дифференциала таких диссонирующих ценностей как стабильность, безопасность, права человека, порядок. Т.е. с одной стороны, наблюдается актуализация витальных потребностей, связанных с выживанием, а другой стороны они становятся неотделимыми от мотивов самореализации. При этом в трактовке данных ценностей важен не столько правовой аспект, сколько неформальные практики их реализации. Скептицизм в отношении формальных норм негативно сказывается на функционировании всей институциональной среды, в том числе ограничивает возможности реализации поведенческих стратегий, связанных с ортодоксальным политическим участием.

В процессе анализа выявлен определенный уровень диссонансности ценностного сознания: интенсивность мнений представителей местного сообщества по поводу значимости ценностей «свобода», «достоинство» и «права человека» сопряжена с отсутствием определенности по поводу ценностей «демократия», «солидарность», «терпимость», что обуславливает размытость оценок политической системы (схожая картина наблюдается и при анализе экспертного сообщества).

Также неоднозначно трактуются респондентами ценности, составляющие основу этики предпринимательства: ценности «труд», «защита», «закон», «совесть», «успех», «собственность» составили оппозирующий дифференциал. Рассматривая данный ценностный ряд в соответствии с теорией рационального выбора Э.Даунса можно предположить, что активность на политическом поле определяется, с одной стороны, преимущественно экспрессивными факторами, а с другой, индивидуальной интерпретацией их содержания, что резко понижает значимость такой ценности как «солидарность». Обращает на себя внимание увеличение объема конфликтогенной периферии, что также свидетельствует о деконсолидации общества субъектов ЦФО (аналогичная тенденция наблюдалась в 2011 г., т.е. ценностная система не стабильна за счет значительного влияния факторов среды на конфликтогенный потенциал массовых групп).

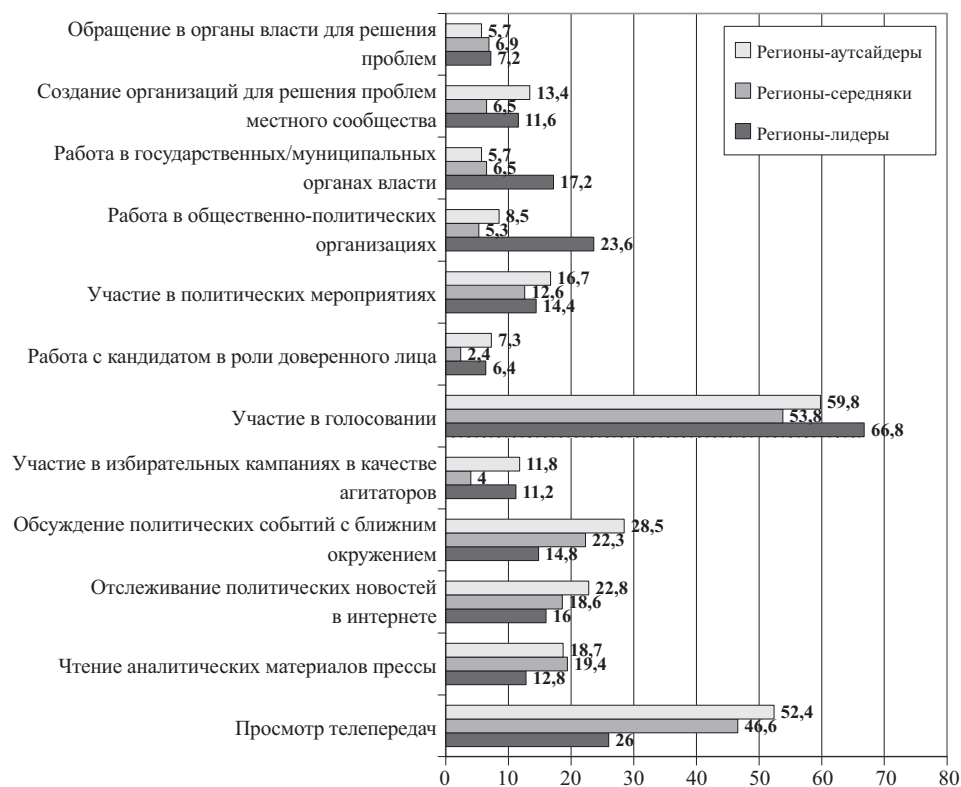
Развитие ценностной составляющей политической компетентности сопряжено с проявлением интереса к политической жизни и качеством информированности, что позволяет судить об инструментальности политической активности.

Большинство опрошенных (42,3%) оценили свой уровень интереса к политической жизни как средний, при этом индексологический анализ позволил выявить негативную направленность вектора включенности в политический процесс ($I1 = -12,5$). Следует отметить, что региональная специфика в данном случае не прослеживается. Основными формами проявления интереса выступают: электоральные практики (60,2%), просмотр телепередач (41,6%), обсуждение политических событий с близким окружением

(21,8%), отслеживание политических новостей в интернете (19,1%), чтение прессы (17,0%). Таким образом, вовлеченность в политический процесс преимущественно носит зрительский характер, не требует особых ресурсных затрат. И с этой точки зрения, участие в голосовании рассматривается как некая рутинная практика, не предполагающая демонстрацию гражданской позиции.

Диаграмма 1. Формы проявления интереса к политической жизни: распределение по типу региона

Для Вас участие в политической жизни страны – это, прежде всего... (Допускается выбор не более трех вариантов ответа), в % от выделенного сегмента.

Графическая интерпретация (Диаграмма 1) результатов перекрестного анализа по основанию тип региона позволила прийти к выводу относительно большей интенсивности мнений в регионах-лидерах и регионах-аутсайдерах. При этом, в первых более востребованными оказываются активные формы проявления интереса, связанные с потребностью на самоорганизацию (работа в общественно-политических организациях, государственных/муниципальных

органов власти, создание организаций для решения проблем местного сообщества), во вторых – пассивные (отслеживание материалов в СМИ, беседы с ближним окружением). В целом оценка форм коммуникации дифференцирована в зависимости от контекста: с одной стороны, как информационного ресурса, с другой, как способа проявления политической активности. При этом отношение к СМИ как источнику информации более консолидировано, что проявляется в интенсивности мнений. Так, если просмотр телепередач как форму проявления интереса назвали 41,6%, то индикатор «Телевидение как источник информации» выбрали 66,7%, интернет – 19,1% и 46,0% соответственно. Интересен тот факт, что респонденты из регионов-аутсайдеров выше оценивают интернет-ресурсы как форму политического участия, а из регионов-лидеров – как информационный ресурс, что не исключает использование телепередач как доминирующего источника информации.

С точки зрения опрошенных, значительна роль неформальных коммуникационных каналов, таких как беседы с родственниками, друзьями, коллегами (30,1%), наиболее актуальна данная тенденция применительно регионов-средняков и регионов-аутсайдеров (Диаграмма 2). Снижение уровня жизни в регионе приводит к самоактуализации респондентов как политических наблюдателей. При этом повсеместно наблюдается скептическое отношение к мероприятиям, инициируемым властными структурами: лишь 5,6% респондентов назвали данный инструмент информирования в перечне основных.

В целом, респонденты считают себя достаточно информированными о жизни страны ($I_2 = 54,8$) и региона ($I_3 = 46,1$), однако, выделяется достаточно устойчивый сегмент неинформированных граждан (6,8%). Следует отметить, что корреляционный анализ не позволил выявить зависимости между переменными «уровень информированности о жизни в стране» и «тип региона», при этом наблюдается дифференциация мнений по поводу своей информационной компетентности: высший уровень информированности среди жителей регионов-лидеров, низший – регионов-средняков ($I_{3л} = 63,4$; $I_{3с} = 32,6$, $I_{3а} = 42,7$).

Инструментальность политического участия детерминирует качество политической компетентности, индикатором которой выступают мотивы действий. Анализ переменных «достижительные мотивы действий», «избегательные мотивы действий» показал, что последние являются доминирующими, их придерживается более 70% респондентов. При этом избегание санкций со стороны государства выступает главным регулятором политической активности: 61,3% опрошенных, принимающих активное участие в жизни страны при ответе на вопрос «Чем, прежде всего, вызвано Ваше желание принимать активное участие в политической жизни страны?» выбрали индикатор «это мой гражданский долг». Политическое участие

Диаграмма 2. Иерархия источников информации о деятельности региональных и местных органов власти

Из каких источников Вы черпаете основную информацию о деятельности региональных и местных органов власти? (Допускается выбор трех вариантов ответа), в % от выделенного сегмента.

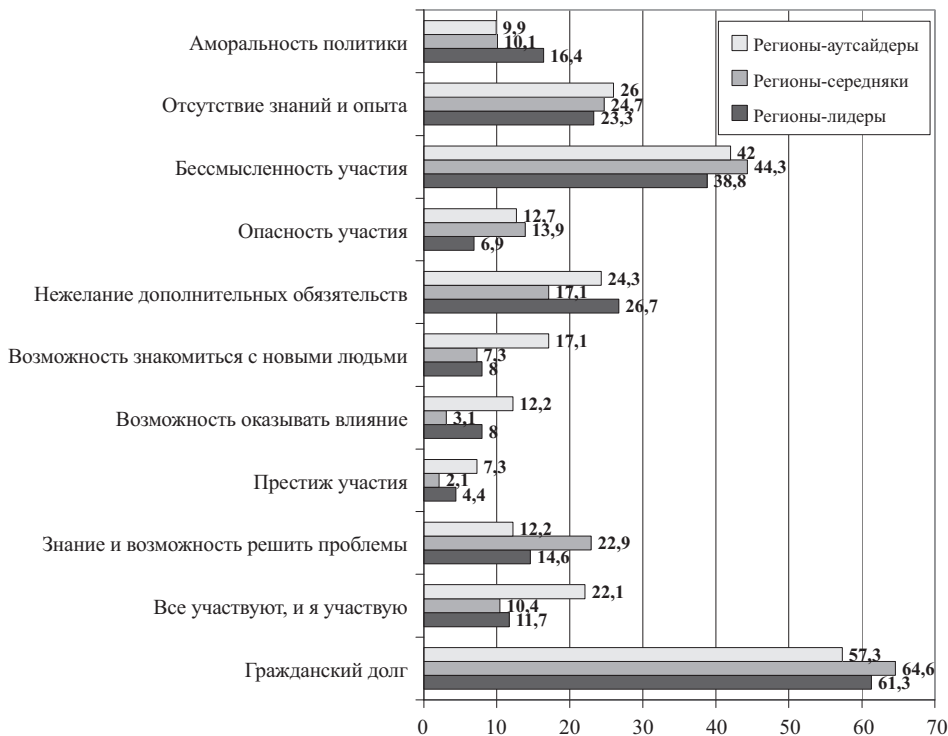
не ассоциируется с престижем, способом влияния на других, сферой коммуникативных возможностей. Таким образом, вовлечение в политический процесс не рассматривается как способ достижения конкретных результатов в предметной деятельности (обратной позиции придерживаются только 16,5%). Среди приверженцев абсентеизма 42,0% отмечают в качестве причины отказа «нет смысла принимать участие»; 24,8% указывают на личную некомпетентность в данном вопросе; 22,4% – нежелание возлагать на себя дополнительные обязательства.

При этом наблюдается некоторая дифференциация в распределении мотивов политической активности в зависимости от типа региона (диаграмма 3).

Интересной, с данной точки зрения, представляется ситуация в регионах аутсайдеров: выбор индикатора «все участвуют, я участвую» (второе место по степени значимости – 22,0%, что в 2 раза превышает данный по лидерам и середнякам) свидетельствует не столько о конформизме, сколько о стремлении оказывать консолидированное влияние на власть, взаимодей-

Диаграмма 3. Достижительные и избегательный мотивы действия/бездействия

Чем, прежде всего, вызвано Ваше желание принимать активное участие в политической жизни страны? (Допускается выбор не более двух вариантов ответа), Каковы основные причины отказа от участия в политической жизни страны? (Допускается выбор не более двух вариантов ответа), в % от выделенного сегмента.

ствовать с другими людьми. Вместе с тем, значительная часть респондентов достаточно скептически воспринимает политическое участие как средство реализации своих интересов. Несколько по иному выглядит ситуация в регионах середняках, где существенный сегмент составляют лица, ориентированные на достижение результатов в политической сфере (22,9% респондентов выбрали позицию «знание и возможность решить проблему» в регионах-середняках, 14,6% – лидерах, 12,2% – аутсайдерах), что не исключает отношение к политическому участию как к бессмысленной трате времени (44,3% в регионах-середняках против 38,8% – в регионах-лидерах).

Последний вывод подтверждается и неостребованностью практически всех форм политического участия вне зависимости от направленности действия, о чем свидетельствуют отрицательные значения индексов участия (табл. 2). При этом наименьшее неприятие вызывают гражданские ортодоксальные, среди них наибольшим одобрением пользуется подписание коллективных писем,

Таблица 2. Направленность политических действий: индексологическое значение

	Гражданское		Негражданское	
	Ортодоксальное	Неортодоксальное	Насильственное	Ненасильственное
Проведение избирательных кампаний	-12,5			
Подписание коллективных писем в органы власти	20,2			
Участие в разрешенных демонстрациях		-3,0		
Участие в запрещенных демонстрациях				-65,9
Отказ от оплаты налогов				-43,5
Пикетирование		-54,3		
Отказ от оплаты счетов за ЖКХ				-33,2
«Народные гуляния»		7,9		
Встречи с политическими лидерами	-1,3			
Создание инициативных групп по решению местных проблем		3,8		
Подготовка обращений в СМИ	-19,2			
Участие в работе органов местного самоуправления	-21,4			
Захват административных зданий			-84,6	
Порча личного и государственного имущества			-84,4	
Среднее значение	-6,84	-11,4	-84,5	-47,4

петиций. Данный факт может быть объяснен следующим образом: характеристика коллективность, с одной стороны, позволяет повысить результативность за счет консолидированного действия, с другой, обеспечивает анонимность, тем самым снимая индивидуальную ответственность за принятие решения. Кроме того, данная форма участия не требует особых усилий со стороны граждан за исключением инициативной группы. Среди неортодоксальных форм политической активности наибольшей популярностью пользуются народные гуляния, которые зачастую не имеют в восприятии респондентов политической окраски. Достаточно традиционно неприятие негражданского политического участия как насильственного, так и ненасильственного характера.

Корреляционный анализ позволил выявить сопряженность между переменными, раскрывающими различные виды участия, что свидетельствует о стабильности позиций респондентов. Принятие отдельных видов актив-

ности в рамках одного типа (подтипа) обеспечивает вероятность симпатии к другим. При этом зависимость между выбором негражданских форм политических действий внутри групп (ненасильственные / насильственные) выше, чем гражданских. Исключение составляет только такая форма как пикетирование, которая являясь неортодоксальной гражданской активностью, оказывается связанной с негражданским действием – участие в запрещенных демонстрациях (коэффициент корреляции Спирмена составил 0,441 при значимом уровне 0,01), что свидетельствует о специфическом смысловом наполнении респондентами данной категории и придании ей однозначно конфликтного характера, а также отсутствию ее легитимации.

Кроме того, корреляционный анализ позволил проследить интерпретацию отдельных политических явлений в сознании региональных сообществ. Так, проведение избирательных кампаний связывается с использованием медиаресурсов (0,405 при значимом 0,01), что объясняет ограниченность возможностей использования данного вида деятельности повседневных политических практиках. Реализация петиционного права взаимосвязана в представлениях респондентов с легальными массовыми мероприятиями (0,548 при значимом 0,01), поскольку типичной ситуацией подписания коллективных писем выступают совместные действия, подчиненный единой цели. Высокий коэффициент корреляции между переменными «народные гуляния» и «встречи с политическими лидерами» (0,456 при значимом 0,01), так как именно последние популяризируют данную инновацию в политической сфере. Особый интерес вызывает интерпретация такой формы участие как создание инициативных групп по решению местных проблем: значительна корреляция с категориями «встречи с политическими лидерами» (0,518 при значимом 0,01) и «участие в работе органов местного самоуправления» (0,501 при значимом 0,01). Т.е. гражданские инициативы, с одной стороны, являются результатом мобилизации профессиональных политиков высокого уровня, с другой, требуют вовлечения представителей органов местного самоуправления.

Следует отметить, что востребованность политических действий дифференцирована в зависимости от типа региона. Наибольшим потенциалом реализации обладают практически все виды участия в регионах аутсайдерах. В регионах-лидерах большой скептицизм по сравнению с другими субъектами ЦФО продемонстрирован в отношении участия в избирательных кампаниях (индексологическое значение в регионах-лидерах ($И4_{л} = -34,2$), регионах-середняках – ($И4_{с} = -9$); аутсайдерах ($И4_{а} = 6,9$)); симпатии – гражданским инициативам (регионы-лидеры ($И5_{л} = 14$), регионах-середняках – ($И5_{с} = -12,6$); аутсайдерах ($И5_{а} = 10,1$)). Обращает на себя внимание тот факт, что представители регионов со средним уровнем социально-экономического развития демонстрируют наибольшую апатию.

Следует отметить, что используя конвенциональные формы, респонденты в большей степени ориентированы на негражданское по содержанию участие, о чем свидетельствует корреляционный анализ переменных, выделенных в рамках анализа «направленности действий» (табл. 3). Выбор в качестве приоритетных коллективных действий преимущественно сопряжен с ориентацией на реализацию, прежде всего, частных интересов. Особенно данная зависимость проявляется при обращении к таким формам как создание инициативных групп по решению местных проблем и вовлечение в деятельность органов местного самоуправления, что не позволяет рассматривать сферу местного самоуправления как составляющую гражданского общества, так как функционирование последнего предполагает «выход» за пределы узких индивидуальных интересов, таким образом, имеет место быть асоциальный индивидуализм.

Об устойчивости выявленных тенденций свидетельствует совпадение значений моды и медианы (на уровне 4) по позиции «Интересы страны – мои интересы». Вместе с тем, выявлена определенная дифференциация в пози-

Таблица 3. Характер интересов, реализуемых в рамках различных форм политического участия (корреляционный анализ)

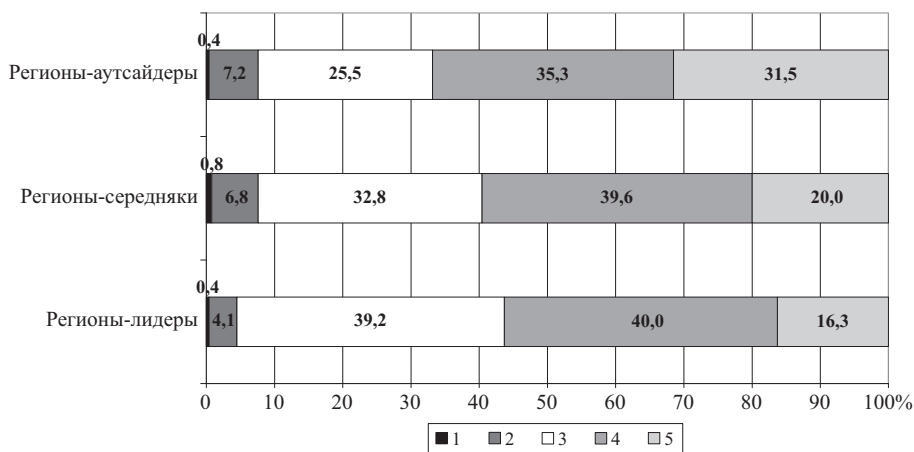
	Коэффициент корреляции по переменной «интересы»
Проведение избирательных кампаний	0,204**
Подписание коллективных писем в органы власти	0,230**
Участие в разрешенных демонстрациях	0,240**
Участие в запрещенных демонстрациях	0,141**
Отказ от оплаты налогов	0,064
Пикетирование	0,125**
Отказ от оплаты счетов за ЖКХ	0,091*
«Народные гуляния»	0,101**
Встречи с политическими лидерами	0,227**
Создание инициативных групп по решению местных проблем	0,262**
Подготовка обращений в СМИ	0,203**
Участие в работе органов местного самоуправления	0,270**
Захват административных зданий	0,000
Порча личного и государственного имущества	0,021

** Значима на уровне 0,01.

* Значима на уровне 0,05.

циях респондентов из различных типов регионов (Диаграмма 4). Так, сегмент носителей индивидуалистических ориентаций в регионах-аутсайдерах многочисленнее в 2 раза, чем в регионах-лидерах, и на 50% больше, чем в регионах-средняках. В то же время значительна доля респондентов в регионах, занимающих срединные позиции, что создает оптимальные условия для формирования конструктивной модели политического участия.

Диаграмма 4. Характер интересов представителей общественности субъектов ЦФО
На шкале «Нет забот кроме интересов страны (1) – Нет забот кроме личных, собственных интересов, интересов моей семьи (5)» выберите позицию, соответствующую вашим взглядам.

Для позитивной динамики развития политического участия важным фактором является психологическая удовлетворенность вовлеченностью в политический процесс, показателем чего выступает внутренняя результативность.

Степень реализации внутриличностного потенциала в рамках политического участия является низкой, что демонстрирует соотношение индекса политических возможностей ($I_6 = 3,2$) и индекса реализации политических возможностей ($I_7 = -7$). При этом наблюдаются существенные различия в уровне дисбаланса в региональном аспекте. Для регионов-лидеров характерно равновесие переменных при высокой удовлетворенности ($I_{6л} = 16,4$ и $I_{7л} = 12,8$); для регионов-средняков и регионов-аутсайдеров характерна негативная направленность векторов оценок возможностей и реализации, однако, в последних наблюдаются более значительные расхождения в силу того, что политические возможности оцениваются гораздо более позитивно (график 3).

Однако, ярко выраженная неудовлетворенность личной вовлеченностью в политическую жизнь в указанных регионах не сопряжена с эмоциональным самочувствием: 60,8% на вопрос «В каком настроении Вы чаще всего

бываете последнее время?» выбрали индикатор «как правило, нормальном, ровном». Вместе с тем, в регионах-лидерах высокая степень реализации внутриличностного потенциала способствует позитивному социально-психологическому климату (68,9%), что подтверждает корреляционный анализ (коэффициент корреляции по Спирману составил 0,131 при значимом уровне 0,01). Внутренняя результативность гражданской активности зависит от ресурсообеспеченности действий. По мнению респондентов, наибольшее значение имеют уровень дохода (И8 = 58,4), профессиональная принадлежность (И9 = 53,3), членство в общественно-политических организациях (И10 = 51,8), уровень образования (И11 = 51,1).

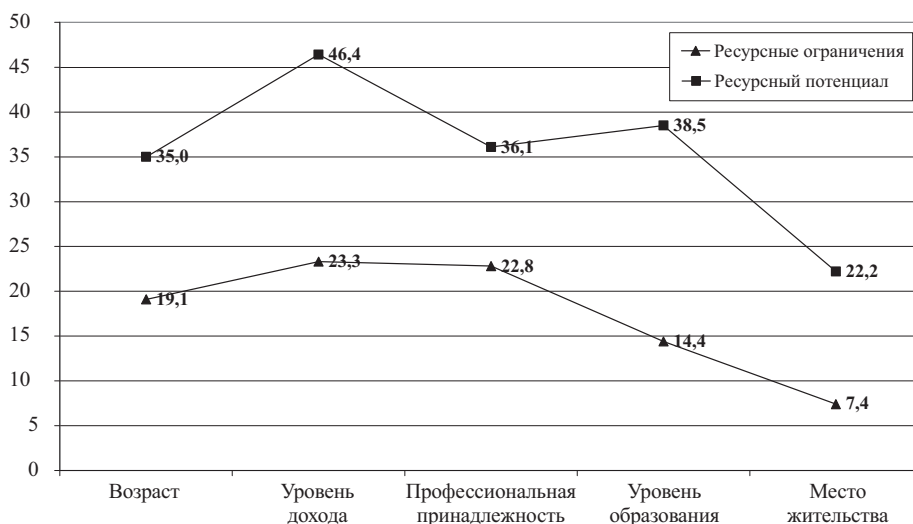
Устойчивость представлений относительно необходимой и достаточной ресурсной базы подтверждается распределением ответов респондентов на вопрос «Что ограничивает Ваше участие в политической деятельности?». При этом по самооценкам ощущается явный дефицит профессионального и экономического ресурсов. При общей направленности оценок наблюдается дисбаланс необходимого и достаточного объема ресурсов (график 1).

Наибольший интерес представляют позиции «уровень дохода», «профессиональная принадлежность», «уровень образования». При этом наибо-

График 1. Соответствие необходимого и достаточного объема ресурсов политического участия

Что ограничивает Ваше участие в политической деятельности? (Выбор вариантов ответа не ограничен), в % от общего массива опрошенных.

Как Вы считаете, зависит ли возможность воздействия на принятие политических решений от следующих характеристик субъекта?, в % от общего массива опрошенных по позиции «да».

неадекватная оценка ресурсных возможностей характерна для индикатора «профессиональная принадлежность», также достаточно оптимистично выглядит распределение по «уровню образования». Проблемной зоной выступает экономический ресурс, так как, признавая его приоритет при определении возможностей воздействия на принятие политических решений, респонденты достаточно скептически рассматривают личное имущественное состояние. Такая позиция является отражением мировоззрения, в основе которого лежат представления об элитарности власти, в том числе исходя из материального критерия, что препятствует массовому вовлечению граждан в процесс принятия политических решений.

Последний вывод подтверждается снятием ответственности с рядовых граждан за события, происходящие в стране (11,2% респондентов на вопрос «Как Вы считаете, рядовые граждане несут ответственность за события, происходящие в стране?» выбрали индикатор «да», 35,2% – «скорее да, чем нет»), хотя в регионах-лидерах более существенный сегмент граждан признает значимость гражданской ответственности (51,9% против 42,3% в регионах-средняках, и 45,1% в регионах-аутсайдерах). Снимая ответственность с себя, респонденты также указывают на недостаточную эффективность государства, что свидетельствует о низком уровне реципрокности (коэффициент корреляции по Спирману составил 0,32 при значимом уровне 0,01). В то же время более нейтральные позиции снова наблюдаются в регионах-лидерах (48,0% против 33,7% в регионах-средняках, 37,9% в регионах-аутсайдерах).

Наряду с чувством общей удовлетворенности своими возможностями в сфере политического участия значительное влияние на самооценку своей политической компетентности оказывает личный опыт участия в процессе принятия политических решений. Изучение внешней результативности базируется на анализе переменных: «респонсивность органов власти», «интеграция со средой», «реализация политической деятельности», «регулярность совершаемых действий».

Результаты исследования показали, по уровню респонсивности иерархия областных и местных органов власти выглядит следующим образом: администрация муниципального образования (И12 = 20), глава муниципального образования (И13 = 17,3), губернатор области (И14 = 13,7), Городская Дума (И15 = 9,2) и Областная Дума (И16 = 3,3). С одной стороны, представленные данные подтверждают факт, что местные органы власти воспринимаются как более открытые для влияния рядовых граждан, с другой стороны, свидетельствуют о дисфункциональности представительных органов, которые традиционно рассматриваются как более чувствительные к запросам со стороны населения.

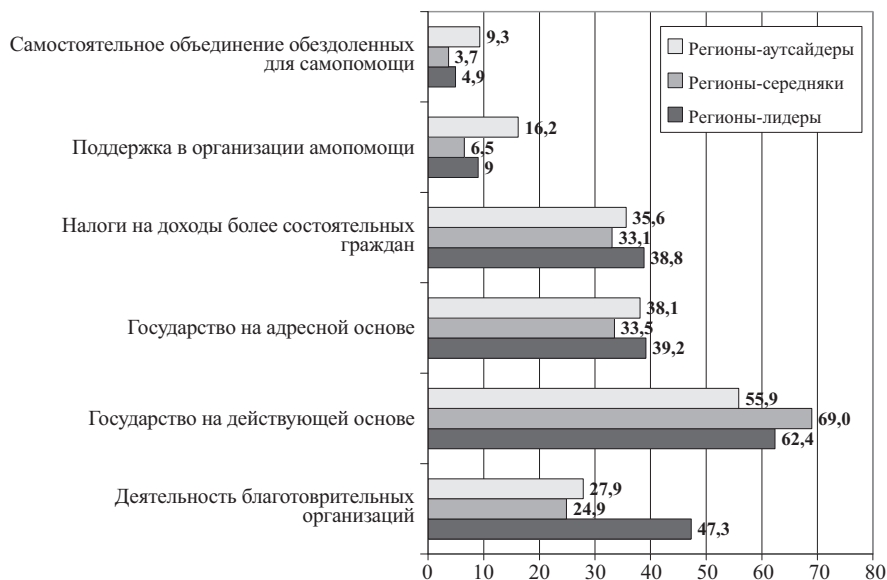
При этом респонденты из регионов-лидеров более оптимистично оценивают уровень открытости региональной и муниципальной власти, что находит отражение в готовности к взаимодействию с властными структурами и определении его эффективности (46,3% имеют опыт обращения в органы власти, при этом 18,2% удалось добиться справедливости по защите своих прав). Обратная ситуация наблюдается в регионах-средняках, где указание на закрытость исполнительной и законодательной власти сопряжена с отсутствием обращений в данные структуры (58,9% не имеют опыт обращения против 34,7%).

Обозначенная зависимость проявляется и при анализе установки на апеллирование государству при решении проблем социального обеспечения. Так, в регионах-лидерах наблюдается значительный сегмент граждан, ориентированный на поиск альтернативных вариантов социальной поддержки: 47,3% респондентов считают, что наиболее оптимальным способом социального обеспечения является деятельность благотворительных организаций; в то время как широкую поддержку в регионах-средняках получили патерналистские позиции (69,0%) (диаграмма 5).

Одним из системообразующих факторов гражданской активности является способность к солидаризации на горизонтальном и вертикальном уровнях.

Диаграмма 5. Установка на апеллирование государству: распределение по типу регионов

Каков, на Ваш взгляд, наиболее оптимальный способ социального обеспечения нуждающихся?, в % от выделенного сегмента

В первом случае речь идет об ориентации на первичные/вторичные референтные группы и соответствующем типе идентификации, во втором, – наличии доверия общественно-политическим институтам. Анализ общего распределения показал, что среди референтных групп доминируют первичные (семья, друзья, коллеги и т.д.), что свидетельствует о высоком уровне интеграции в микросредах. Однако, характер ориентации на интеграцию в макросреде сопряжен с социально-экономическим развитием региона (табл. 4).

Таблица 4. Ориентация на первичные / вторичные референтные группы: распределение по типам регионов

Как часто Вы ощущаете близость и находите общий язык с различными группами людей?, индексологическое значение

	Регионы-лидеры	Регионы-средняки	Регионы-аутсайдеры
Семья, близкие друзья	89,9	88,6	83,8
Товарищи по работе	59,9	56,2	58,0
Люди того же поколения, возраста	47,2	52,7	58,8
Люди моей веры	24,0	33,4	40,7
Люди той же профессии, рода занятий	27,8	46,1	44,6
Люди моей национальности	22,3	38,3	40,6
Живущие в том же городе, селе	18,6	29,1	40,4
Соседи по улице	17,4	19,6	35,3
Россияне	17,8	23,5	28,7
Люди того же достатка	33,0	40,6	39,2
Люди, разделяющие мои увлечения	60,2	58,8	59,3
Близкие по политическим взглядам	41,2	31,9	30,0

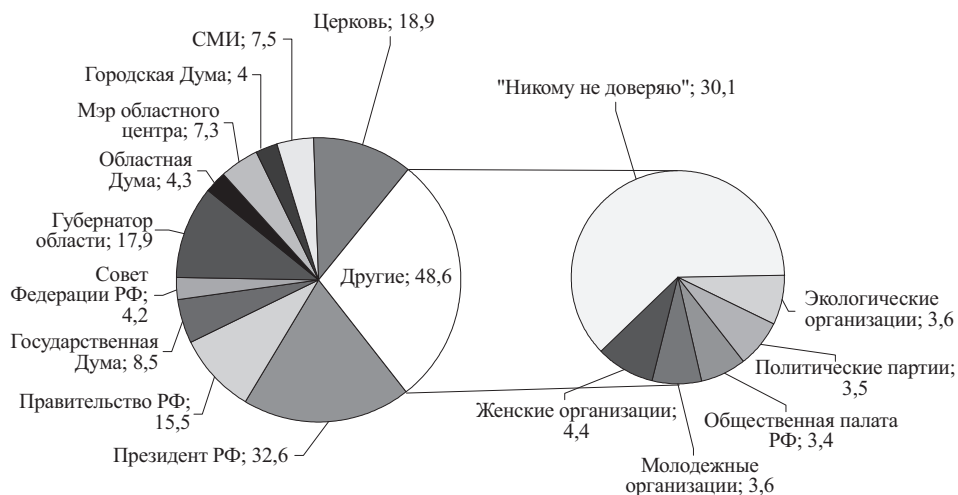
Обращает на себя внимание тот факт, что в регионах-аутсайдерах граждане в большей мере ориентированы на взаимодействие и в более широких сообществах (в рамках возрастных когорт, общего вероисповедания, территориальной локализации и т.д.). Вместе с тем, политическая идентичность сформирована недостаточно в отличие от регионов-лидеров. Отличаются представители различных субъектов и по типу идентификации, так если для аутсайдеров характерен преимущественно трансверсальный тип идентификации (исключение составляет категория дифференциации «достаток»), то у лидеров трансверсальный тип идентификации определяется прежде всего ближним окружением, схожим материальным положением и поли-

тическими взглядами, при этом критерии «конфессиональная принадлежность» и «гражданство» являются незначимыми. Направленность мнений в регионах-середняках близка распределению позиций в регионах-лидерах. Таким образом, политизация социальной проблематики может оказывать противоположное влияние на развитие гражданской активности в данных субъектах: в регионах-лидерах активизирует, в аутсайдерах блокирует.

Интеграция по вертикали взаимосвязана с уровнем респонсивности органов власти. Как было отмечено выше, наибольшим доверием пользуются исполнительные органы власти, за исключением правительства (его функционал не определен в сознании общественности), и церковь (преимущественно за счет регионов-аутсайдеров), которая воспринимается гражданами как элемент властной структуры, под влиянием политики государства в отношении религиозных организаций (диаграмма 6). Следует отметить, что организациям, предполагающим личное участие рядовых граждан, доверяет незначительный сегмент общества (суммарно 18,5%).

Диаграмма 6. Уровень доверия общественно-политическим институтам

Каким общественно-политическим структурам Вы доверяете? (Выбор вариантов не ограничен), в % от общего массива опрошенных.

Опасения вызывает доминирование позиции «Никому не доверяю», характерной для трети респондентов, так как ограниченность неперсонифицированного доверия выступает основным фактором распространения индифферентно-апатичного поведения. Особенно актуален данный вывод для регионов-середняков, где сегмент скептиков является преобладающим, при ограниченности остальных.

Переменной, выделенной для изучения внешней результативности является уровень реализации и регулярность совершаемых политических действий. По данному критерию большинство респондентов демонстрируют аполитичную позицию и иногда выступают «политиками по случаю» (по М. Веберу): по направленности мнений наибольшая интенсивность проявляется в отрицательном полюсе. При этом представители регионов-лидеров более активны и чаще включаются в политический процесс, вместе с тем, вовлеченность носит преимущественно зрительский характер и ограничена в инструментальности (диаграмма 7).

Диаграмма 7. Регулярность совершаемых политических действий

Можете ли Вы сказать о себе, что Вы активно участвуете в политической жизни страны? (Допускается выбор вариантов ответа), в % от общего массива опрошенных.

Подтверждением данного факта является распределение ответов на вопрос «Состоите ли Вы в каких-либо политических партиях, общественных организациях?»: 84% респонденты указали, что нигде не состоят. Из вовлеченных в деятельность общественно-политических организаций большинство являются рядовыми членами (47,7%).

Таким образом, полученные эмпирические данные позволили также провести типологизацию гражданской субъектности, в основу которой положена система интегративных показателей, определенных посредством операционализации категории «политическая компетентность»: внешняя и внутренняя результативность, инструментальность. В результате выделены следующие типы: инновационный, реформистский, стабилизирующий, конъюктурно-приспособительный, индифферентно-апатичный и дезадаптивно-агрессивный. Все из указанных типов гражданской субъектности представлены в региональном политическом пространстве, однако доминирующий сегмент носителей субъектности сопряжен с качеством жизни в регионе. Так, в регионах – лидерах модель политического участия определяют реформистский и стабилизирующий типы с некоторым перевесом последнего; в регионах – середняках – индифферентно-апатичный и дезадаптивно-агрессивный с доминированием первого; в регионах-аутсайдерах равномерно представлены все типы с незначительным преобладанием сегмента индифферентно-апатичных.

Как показал анализ материалов, снижение уровня социально-экономического развития имеет следствием рост пассивности граждан, что проявляется в отсутствии стремления осваивать различные формы социальной активности, включаться в созданные сверху социальные структуры, а также выстраивать работу самостоятельно. В результате социально-политические возможности оказываются невостребованными. В условиях дефицита политического участия расширяются функции государственных органов власти, что воспринимается более модернизированными сегментами региональных сообществ как усиление авторитарных тенденций. Обозначенные сегменты реагируют на создавшуюся ситуацию моносубъектности власти посредством неортодоксальных форм политического поведения, что может привести к риску радикализации.

Исходя из состояния и тенденций развития структуры политических возможностей и характеристик доминирующего сегмента носителей гражданской субъектности были определены модели политического участия для каждого типа регионов.

РЕЗЮМЕ

На основе результатов социально-политических исследований¹ выполненных в соответствии с соглашением № 14.В37.21.1018 от 07.09.2012 г. с учетом дополнительного соглашения от 18.03.2013 г. № 1 в рамках федеральной целевой

¹ Массовый опрос. Эмпирический объект – жители центрального федерального округа в возрасте старше 18 лет. Объем выборочной совокупности – 750 человек.

программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, представлен анализ политической компетентности граждан Российской Федерации на примере различных по уровню экономического развития субъектов Центрального федерального округа.

Anastasia Alexandrovna Lavrikova, Olga Evgenevna Shumilova

POLITICAL COMPETENCE OF THE RUSSIAN CITIZENS IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION PROCESSES

Based on the results of the socio-political researches carried out in compliance with the Federal targeted programme “Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Innovative Russia” for 2009-2013 the analysis of the political competence of the citizens of the Russian Federation was given. The present analysis of the political competence is presented by the example of subjects of the Central Federal District which are different in the level of economic development.

KEY WORDS: *political competence, political participation, civil participation, modernization*

Библиография

И.А. Батанина, Ю.Б. Киняшева, А.А. Лаврикова, О.Е. Шумилова, *Политическое участие как фактор урегулирования конфликтов в системе «власть – общество» в условиях трансформации современной России*, Тула 2013.